

Александр Сергеевич ДЕНИСОВ,
экс-ректор НГАУ, советник при ректорате
доктор технических наук, профессор:

«ЧУВСТВОВАТЬ ДЫХАНИЕ МОЛОДОСТИ!»

Если говорить о патриархах из числа представителей вуза, то я, конечно, отношусь к их числу. И, вспоминая наше общее прошлое, хочется назвать несколько фамилий: Кисленко В.Н., Гладченко В.М., Блынский Ю.Н., Крохта Г.М., Вышегуров С.Х., Жёлтиков А.И., Реймер В.А., Мкртчян Б.А., Гамзиков Г.П., Мармулев А.Н., Цветкова В.П. и другие... Сколько интересных людей воспитал наш вуз!

Я пришёл сюда проректором по строительству в период, когда институт возглавлял Анатолий Фёдорович Кондратов, а учебной работой занимался проректор Александр Васильевич Пискарьёв. То время было замечательным: вуз готовил специалистов по 10 направлениям, денег государство выделяло столько, что нам хватало и на строительство, и на другие нужды института. Это был конец советской эпохи, самое начало 90-х. В те годы у нас насчитывалось до 15 объектов, которые мы строили за счёт бюджета: оттуда бесперебойно шло финансирование и никто из нас даже помыслить не мог, что бывает как-то по-другому. Стройку могли закончить за пару лет! Правда, большие проблемы были в то время с материалами и с подрядчиками, а деньги – они даже оставались на счету в конце года.

Вот в то время я и пришёл сюда на работу. Была благополучная, комфортная, хорошая жизнь и я, помню, даже подумал: «И чего я в строительстве пахал? Здесь так хорошо, и зарплата нормальная».

Мы все ещё не подозревали, что совсем скоро придут другие времена.

А потом началось! Пошли беды... Первым делом стало «проседать» финансирование. Я хоть и отвечал за строительство, вместе с этим занимался и вопросами экономики, так что мы совместно с А. Ф. Кондратовым прошли весь Минфин, чтобы доказать буквально с цифрами в руках, что студент сельскохозяйственного вуза в среднем финансируется на 25 процентов меньше, чем любой студент из системы Министерства образования. И доказали! С нами согласились, но помочь ничем не могли: вопрос нужно было решать на самом «верху».

Эта работа, конечно, должна была вестись департаментом, Министерством сельского хозяйства РФ, которому мы подчинялись, но им-то зачем поперёк течения идти? Куда только мы не обращались за помощью, но выхлоп от наших усилий был слабоватый...

Потом наступили времена, когда деньги из гос. бюджета выделяли только на заработную плату без всяких стимулирующих доплат, на стипендии и чуть-чуть на коммуналку... Было сильно тяжело. Где-то с середины 90-х мы узнали, что такое веерные отключения электричества. Я помню, как мы «засыпали» песком колодцы тепловых камер, чтобы наш главный областной энергетик господин Томилов В.Г. не дал команду своим работникам нас отключить. Неоднократно обращались в Госдуму к нашему знаменитому выпускнику, земляку, депутату Н.М. Харитонову и пытались решить эти вопросы. Помню, на одном из пленарных заседаний Государственной Думы Харитонов Н.М. обратился к Чубайсу А.Б.- в то время министру РАО «ЕЭС России»: «Вы когда мой родной Новосибирский сельхозинститут перестанете отключать от света и тепла? Люди в шубах сидят на занятиях!» А Чубайс ему в ответ: «Вот когда заплатят, тогда и перестанем». Николай Михайлович не сдержался и как гаркнет на весь зал: «Мы вас повесим!» – Чубайс тут же: «А я свет отключу!» Николай Михайлович, однако, не растерялся: «Мы при свечах вас повесим!».

Вот такие страсти кипели.

Николай Харитонов нам очень помогал. Благодаря ему и некоторым другим нашим заступникам мы и выжили в тот тяжёлый период. Ведь доходило до таких странных вещей, когда и смешно, и грустно. Вот, помню случай, пришли мы с Кондратовым А. Ф. к Министру сельского хозяйства РФ В.Н. Хлыстуну за финансами, после выборов президента РФ, а он нас спрашивает: «А вы за кого голосовали?» Кондратов ему отвечает: «Я – за Явлинского». Хлыстун в мою сторону покосился: «А Вы, проректор, за кого?» – «А я за строителя», – отвечаю (был такой Шаккум), я же, мол, строитель. Министр как рявкнет: «А какого лешего вы ко мне пришли за деньгами? Идите к Явлинскому и к Шаккуму!» Потом немного успокоился, говорит: «Могу вам пару вагонов сахара и несколько вагонов муки дать, будете по бартеру расплачиваться». И через какое-то время точно, пришли 2 вагона сахара и вагона 4 муки, наполовину съеденной мышами. И с подрядчиками, которые работали на стройке, мы рассчитывались не деньгами, а сахаром и мукой!..

А ещё помню, как у министра финансов РФ Панскова мы с А.Ф. Кондратовым получили ваучер за номером 1, который давал нам

право списать определённую сумму накопившихся федеральных долгов по налогам...

Вот так ходили мы, обивали пороги министерств, но каких-то кардинальных улучшений в судьбе института всё-таки добиться не могли. И тогда Кондратов А.Ф., поняв, что никаких «плюшек» мы из федерального бюджета уже не получим, говорит: «Всё это бесполезно, все вузы сейчас в одинаково плачевном состоянии», и предложил: «Нам надо думать, как зарабатывать самим».

И мы стали думать. Один из путей был – оказание платных услуг. Вскоре в стране официально разрешили платный приём в вузы, и пошло-поехало. Мы начали набирать специалистов, а на бюджет отбою не было! Хотя конкурс в то время был приличный, по три человека на место, даже на такие специальности, как агрономия, зоотехника. Очереди из абитуриентов стояли в коридоре и Анатолий Фёдорович, как «факир», сидел в кабинете с фломастером над списком поступающих и соображал, кого отсеять, кого помиловать. Желающих было много, и у нас появился шанс выправить плачевное положение вуза: не проходишь на бюджет? Иди учиться на платной основе! И люди пошли.

Вот таким образом мы начали выбираться из той ямы.

Потихонечку мы развивались, выполняли целевые показатели: успешно набирали абитуриентов, готовили из них агрономов, ветврачей и других специалистов, учили их. И все бы хорошо, но возникла новая проблема, что наши выпускники не очень охотно идут в сельскую местность. Мы пытались объяснить, что для того, чтобы специалисты ехали работать в село, надо там для них условия создать, но никто нас не слушал. И тогда, при поддержке губернатором В.А. Толоконского (с согласия Ивана Григорьевича Мороза, председателя Законодательного собрания в то время), разработали особую целевую программу подготовки молодых специалистов. В чем ее суть: вуз проводил набор абитуриентов на востребованные специальности в количестве 100-120 человек ежегодно, со средним баллом аттестата не ниже 4-х, обязательно рекомендуемых руководителями с/х организаций и главами районов, и давших согласие на работу в селе. Эти студенты получали стипендию из средств областного бюджета и оплату за их обучение производил областной бюджет. Благодаря этой целевой подготовке в хозяйствах области закрепилось 1200 специалистов за 10 лет. Но потом вмешался человеческий фактор. Случилось следующее: некоторые из этих целевиков не захотели отрабатывать в области. Кто-то по вполне уважительной причине: парня призвали в армию, какая-то выпускница ребёнка родила и ушла в декрет... Но отдельные ловкачи стали просто хитрить, искать всякие

«улучки-проулучки», чтобы не ехать из города куда-нибудь в Сузунский район. Конечно, в хозяйствах возмутились: где наши специалисты? В «Комсомолке» вышла одна критическая статья, другая... И вуз, и областное начальство стали «полоскать» на всех углах. Счётная палата наша тоже встрепелась: нарушение налицо! Поэтому администрация вынуждена была обращаться в суд, дабы этих хитрецов прижучить, стребовать с них деньги, которые на их обучение затратило государство. Толоконский тогда нам сказал: «Ребята, с меня хватит. Я не хочу «греметь» на всю страну». Его, конечно, можно было понять. И программу закрыли.

Тем не менее, эта мера дала хороший толчок для закрепления кадров на селе.

Сегодня тоже можно придумать что-то подобное. Но, похоже, нет в этом заинтересованности. Есть только эмоции: «В сельском хозяйстве не закрыты 200 000 вакансий!» Так решайте этот вопрос, люди-то не кончились в стране! Видимо, нет понимания, как решать... Рыба ищет где глубже, а человек где лучше. Сегодня никого не загонишь силком на малооплачиваемую работу, да ещё и туда, где по сравнению с городом нет никаких условий. Вот идут дискуссии, может снова ввести 3-годовалую отработку после вуза, как в советское время? Но после обсуждения вывод практически единогласный: нет, этого делать не стоит, время сейчас совсем другое! Нужно изыскивать более эффективные методы, чтобы сами работодатели были в этом заинтересованы.

С кадрами сейчас сложно. Ни агронома хорошего не могут некоторые хозяйства найти, ни грамотного зоотехника. Даже на большую зарплату. А почему так получилось? Году в 2008 начался у нас отток абитуриентов, особенно на агротехнических специальностях. Молодёжь пошла совсем в другую «степь»: на юриста, на экономиста, в крайнем случае на ветеринарного врача, ну и кое на какие инженерные специальности. И что было делать, как заполнять бюджетные места? В то время никакого конкурса у «бесплатников» ещё не было. Нам стали предлагать урезать количество: «Вот у вас было 50 бюджетных мест для агрономов, это же много. Напишите 30-40». Но мы, понимая, что этот путь опасный, не стали ничего уменьшать. Было убеждение: во что бы то ни стало бюджет надо заполнять! Пытались по области набрать – не получается. И тогда мы поехали: Узбекистан, Казахстан, Таджикистан... Начали набирать иностранцев, и где-то 25-30 процентов российского бюджета занимали они. Сколько раз я, уже будучи ректором НГАУ, выступал на совещаниях у губернатора Травникова А.А. и говорил: «Не хватает ни зоотехников, ни агрономов! Что-то надо делать!» – «Ну вы же набираете бюджет?» –

«Да, набирать-то набираем, но на этом бюджете казахи, киргизы, узбеки, таджики... Они оканчивают вуз и уезжают к себе!» Ну, мол, сделайте так, чтобы они получали наше гражданство и оставались. Но этот вопрос, конечно, был не ко мне.

Вот в те годы и упала резко обеспеченность кадрами. Кое-кто из иностранцев оставался у нас, но таких было совсем мало, может, процента три – это капля в море. И вот это сильно усугубило нехватку специалистов на селе.

Сегодня вуз по многим показателям впереди планеты всей, но по количеству студентов из дальнего зарубежья мы до недавнего времени отставали. Если Саратовский аграрный университет обучал молодёжь более чем из 30 стран, преимущественно африканских, то у нас как-то не получалось. Но после того как мы начали активно работать с Россотрудничеством, пошло и у нас. Последние три-четыре года моего ректорства, мы начали получать квоты на бюджет для студентов из стран Африки. Ну а когда уже пришёл новый ректор, начали усиленно этим заниматься, и теперь количество иностранцев увеличилось. И кого тут только нет, и из Африки, и из Азии... Хорошо это или плохо? С одной стороны хорошо, потому что о нашей стране, о высоком уровне нашего образования узнают в других государствах. Но если бы мы их обучали как в Америке, за 30 тысяч долларов в год, было бы ещё лучше!

Когда случился провал в наборе, мы усилили профориентационную работу. Регулярно со студентами на двух автобусах выезжали в районные центры нашей области. Там в Домах культуры собирался полный зал старшеклассников, и мы рассказывали об университете, о наших специальностях, показывали фильм, называли фамилии знаменитых наших выпускников. Потом выступали студенты – пели, плясали. Такие встречи-концерты производили фурор! Главы районов нас благодарили... Как сейчас помню, поехали мы в Усть-Тарку. Сам глава администрации, с рушником и караваем, на развилке дорог встречал нас: «Как это вы до нашего медвежьего угла добрались?!»

Сельчане всегда радовались нашему приезду, вниманию к себе. Ну а мы понимали важность и необходимость такой работы. Она позволила нам организовывать в районных центрах классы с биологическим уклоном, а чуть позднее – и с техническим. Наши преподаватели приезжали, читали лекции, проводили занятия. Это было не бесплатно, родители платили 3-5-6 тысяч в месяц. Но оно того стоило. Всё-таки вузовский преподаватель гораздо круче даже самого хорошего школьного учителя. Однако поначалу сельчане с некоторым недоверием воспринимали такую подготовку,

спрашивали: «А мой ребёнок точно к вам поступит?», ожидали каких-то гарантий. И хотя гарантировать мы им ничего не могли, но сертификат в конце обучения выдавали – он добавлял баллов и вероятность поступления возрастала.

Сначала было 10 таких специализированных классов в райцентрах, а потом уже и 15-20.

Но к своему удивлению, мы поняли, что наша подготовка выходит нам боком: мы ребяташек по биологии и математике подтягиваем, а они потом идут в другие вузы! И «выхлоп» у нас получался процентов 60.

Впрочем, в любом случае наша деятельность приносила пользу.

Что вообще характерно для того времени, когда Кондратов А.Ф. был ректором, потом я его сменил? Мы развивались, несмотря ни на что. Держали марку вуза. Продолжали строиться, опять же активно используя помощь Харитонов. На фото запечатлен момент возобновления законсервированной стройки нового учебного здания в присутствии депутата Государственной Думы Харитонova, Вице-премьера, министра сельского хозяйства Гордеева А.В. и губернатора Толоконского В.А.

При поддержке депутата Харитонova Н.М. мы возобновили стройку аудиторного блока, на ходу меняя проект, потому что многие проектные решения уже устарели. И когда пришел новый министр сельского хозяйства РФ, Елена Борисовна Скрынник, аудиторный блок, сдали в эксплуатацию и приступили к строительству актового зала, который мы сейчас называем «Концертный». Обсуждали проект с Надеждой Михайловной Морозовой директором Студенческого клуба в те времена. Я услышал: «Александр Сергеевич, всё хорошо, но... Условий для подготовки нет, негде репетировать, а ещё ведь гримёрки нужны!» Я понял, что проект зала необходимо корректировать, для чего опять нужны финансы также на дополнительную пристройку. Что делать? Начал думать, как бы так исхитриться объяснить в министерстве, что нам ещё деньги нужны. И придумал версию, что в ранее «забитом» свайном поле не хватает 100 свай под концертным залом, не могу же я зал на голую землю сажать! В общем, добавили нам средств, и мы получаем и гримёрки, танцевальный зал, и места для репетиций... Все условия обеспечили – танцуй не хочу! А теперь наши артисты везде первые места занимают.

Аппетит приходит во время еды. Так и случилось на этот раз. Мой старший товарищ, бывший ректор Иван Иванович Гудилин заказчик этого проекта часто приходил ко мне и с грустью спрашивал: «Доживу ли я когда-нибудь до осуществления своего проекта?» А этот проект, включавший аудиторный блок,

лабораторный корпус, библиотеку, актовый зал, был задуман Гудилиным ещё в далёкие-далёкие годы, и он говорил, что в нём предусматривался переход из зоофака в аудиторный блок. При последней встрече он спросил: «Ну как у тебя дела идут?» Я говорю: «Пойдёмте, покажу». Мы поднялись на второй этаж зоофака, там уже лежали двутавровые балки для перехода. Он увидел, обрадовался. Собираясь по этому незаконченному переходу пройти. К сожалению, окончания строительства он не дождался...

Я решил пойти дальше намеченного. Зная, что в Башкирском университете есть переходы между зданиями, подумал: «А почему бы и у нас не соединить корпуса? Хотя бы там где возможно. Мы же в Сибири живём!» Сделали проект перехода из главного корпуса в зоофак. Что удивительно, появились противники этого перехода: «Вы что, хотите превратить зоофак в проходной двор?» Да нет же, я хотел добавить комфорта, удобства, чтобы каждый, кто приходит в университет, мог из главного корпуса попасть в другой, не выходя на улицу.

Но на этот переход, конечно же, средств не было. Опять просить... Обратились к Скрынник: «Елена Борисовна, представьте, как здорово: в условиях Сибири сделать переходы между корпусами! Это ж какая красота будет, какое удобство». К счастью, удалось её уговорить, она выделила нам эти средства и конечно не без помощи Харитонов Н.М.

И когда построили этот переход, так он всем понравился! Он стал одной из визитных карточек нашего университета, так же, как и концертный зал.

Вот эта стройка стала драйвером развития вуза. Не было бы лабораторного корпуса, мы бы не перевели туда экономистов, не дали бы волю инженерам... Не возникла бы целая цепочка преобразований, изменивших жизнь вуза к лучшему.

Хочется вспомнить ещё об одной важной примете тех лет. А.Ф. Кондратов возобновил активную деятельность студенческих отрядов, которые гремели в советское время. Мы стали одними из инициаторов их возрождения. Доходило до того, что у нас было самое большое количество стройотрядов среди всех вузов – 33 отряда, тысяча двести человек! Это была мощь.

Мы крепко дружили с наукой. Нынешний ректор, Е.В. Рудой, имел к этому самое прямое отношение. Очень хорошо работали с институтом цитологии и генетики, с НГУ, с институтом твёрдого тела и с рядом других НИИ. Четырёхстороннее соглашение, которое мы подписали, давало нам право взаимодействовать с научно-исследовательскими институтами большой и малой академий. Такое сотрудничество всем нравилось, особенно учёным,

потому что они чувствовали дыхание молодости, видели, что их знания кому-то сегодня необходимы, востребованы. Они с удовольствием шли на эти встречи, выступали у нас на Днях науки... У нас был договор с НГУ по подготовке биотехнологов. Направили к ним первых 5 человек, академик Сергей Викторович Нетёсов из НГУ курировал это направление. Через полгода он приехал к нам и поблагодарил: «Спасибо, что вы это затеяли. Оказалось, что ваши студенты по уровню знаний несколько не уступают нашим, мы в этом убедились. Считаю, что совместная магистратура получилась». Вот так! И до сих пор эта магистратура существует.

Очень активно участвовали мы в своё время в программе «Умник». Наш профессор Кочнев Николай Николаевич, доктор наук, биолог, руководил этой командой и мы неоднократно пробивались в лидеры.

Нынче в университете сделан крен на науку. Команду обновили, взяли молодых. Студенты выигрывают гранты, начинают свои стартапы, вот в этом году уже на три миллиона выиграли.

Нынешний ректор Е.В. Рудой ввёл хорошее новшество: некоторым учёным выделил ставки научных работников. Они освобождены от чтения лекций и семинаров, получают ставку за то, что ведут 2-3 аспирантов и занимаются наукой.

Принцип моей работы был: ничего никому не отдавать, наращивать, больше зарабатывать. У Евгения Владимировича принцип другой – освобождаться от того, что не приносит прибыль, а увеличивает расходы. Всё в одних руках не удержишь.

Очень хочу надеяться, что его позицию по вовлечению профессуры, слоя студентов, который хочет заниматься наукой, оправдается и даст свои щедрые плоды.

Я верю в то, что НГАУ, находясь в ведении Минобразования и науки, получит новый импульс к развитию, и на наш университет будет обращено более пристальное внимание руководства. Чтобы мы не растеряли ни одного зерна, посаженного нашими предшественниками, бережно и с любовью их растили, чтобы имя Новосибирского государственного аграрного университета стало Знаком Качества.